

Памяти коллег

Константин Константинович Панютин (1936–2009)

Таких, как К.К. Панютин, энтузиастов по изучению рукокрылых, по подготовке кадров на территории бывшего Союза и нынешнего СНГ не было и нет. Судьба свела меня с ним и Светланой Петровной Каменевой в 1967 г. в Нагорном Карабахе. Это было начало моих исследований рукокрылых, когда многие методы полевых наблюдений были для меня еще неясными. Лишь летом 1966 г., благодаря своему участию в работе Карабахской экспедиции Ленинградского университета, возглавляемой Алексеем Ивановичем Константиновым, я научилась распознавать отдельные виды, находить их убежища, наблюдать их в неволе и в природе. Но основная задача этой группы состояла в изучении биоакустики рукокрылых, и, естественно, остальные способы сбора материалов по экологии оставались мне неизвестными.

В те годы К.К. и С.П. собирали в различных регионах СССР летучих мышей для кафедры зоологии позвоночных МГУ (для докторской диссертации Г.Н. Симкина и договорных работ с военными органами). С этой целью они приехали в июне 1967 г. прямо после прилета из Москвы в Азыхскую пещеру Карабаха, чтобы отловить зверьков нескольких недостающих видов. Однако руководитель археологов, проводивших у входа в пещеру раскопки и которого я просила никого не пускать в подземелье, выполнил мое задание, уведомив их о моих наблюдениях над колонией. Вечером мои друзья историки сообщили мне о прибытии москвичей-зоологов. В те годы хироптерологов в Союзе было очень мало, и поэтому велико было наше обоюдное удивление такой неожиданной встрече в глухом сельском районе.

К.К. приехал еще не до конца выздоровевшим после геморроидальной лихорадки, подхваченной им в Поволжье. Они со С.П. остались на несколько дней в селении Туг, где была у меня база, а рядом находилось несколько выводковых колоний, за которыми я вела регулярные наблюдения. В июне у них проходили активные роды, и К.К. научил меня очень продуктивным способам осторожных наблюдений за процессом взаимоотношений матерей с детенышами, их мечением, получением данных в это время и другим экологическим методам. Он щедро поделился опытом, приобретенным им в процессе многолетней работы с этими животными.

Отловив несколько подковоносов малых, больших и Мегели, мы проводили С.П. в Москву, а сами поехали в Шушу Нагорного Карабаха, где впервые в СССР Александр Петрович Кузякин обнаружил и отловил широкоухих складчатогубов. Мы с К.К. надеялись через прошедшие с тех пор 30 лет вновь увидеть этих экзотических зверьков. Но это нам не

удалось. Затем мы посетили еще одно подземелье, известное по монографии А.П. Кузякина, в котором он впервые обнаружил подковоноса Мегели. В это наше посещение мы нашли здесь только скопление самцов и неполовозрелых самок остроухой ночницы.

Эта совместная экспедиция с опытным специалистом-хироптерологом была для меня подарком судьбы, драгоценной школой исследований летучих мышей. На следующий год приехала в Москву, где продолжились наши плодотворные встречи с К.К. и С.П. Именно тогда К.К. посоветовал обратить особое внимание на проблему демографии рукокрылых, для чего сблизил меня с Г.А. Клевезаль, которая познакомила меня с методикой микросрезов и подсчета годовых колец на срезах зубов. Мало того, К.К. временно доставил мне в Баку микротом для такой работы и постоянно интересовался ее ходом.

В 1970 г. в связи с приближающимся сроком окончания аспирантуры меня командировали в Москву к научному руководителю А.П. Кузякину для оформления рукописи. И в этот период неоценимую помощь оказал мне К.К. как опытный советчик и суровый критик моей рукописи. Мы совместно разработали наиболее наглядный план повидовых очерков, которого я и придерживалась в дальнейшем. Фактически он руководил мною на протяжении всей моей аспирантуры, при этом учитывая и свой предыдущий опыт работы и оформления диссертации по экологии летучих мышей лесных ландшафтов. Я была благодарна ему за жесткую нелицеприятную критику и никогда не обижалась, сознавая, что это полезнее, чем равнодушное принятие всего мною написанного со стороны моих официальных научных руководителей.

При наших дальнейших встречах в Москве и на конференциях он всегда интересовался моей работой, полученными результатами, публикациями, успехами. С гордостью показывал изобретенные им искусственные убежища, зимние укрытия, великолепный вольер для рукокрылых на Звенигородском стационаре. Такой сплоченной группы студентов и практикантов я не видела в других кружках биостанции. Здесь были также зоологи из-за рубежа и почти всех союзных республик. К.К. и С.П. были гостеприимными хозяевами и этого уютного стационара, и своего городского дома, учителями многих школьников, студентов, натуралистов.

Помимо публикаций по различным сторонам экологии и морфологии рукокрылых особо следует упомянуть большой вклад К.К. и С.П. в кольцевание огромного числа лесных видов рукокрылых, в осмысление и обобщение итогов мечения этих животных на территории СССР.

Большую помощь оказывал К.К. студентам, аспирантам, молодым ученым. Он советовал им изучать малоизвестные стороны жизни рукокрылых (репродукцию, анатомию различных органов, взаимосвязь строения крыла с кормовой специализацией у зверьков разных семейств и

т.д.). Как хорошо, что научную эстафету подхватила и несет сейчас внучка С.П. и К.К. – Александра Андреевна Панютина.

Последняя наша встреча состоялась со Светланой Петровной и Константином Константиновичем в мае 2004 г., когда я проездом в Вильнюс остановилась в Москве. Воспользовавшись такой оказией, я повидала многих коллег. В это время Алексей Борисенко перед отъездом в Канаду собрался попрощаться со своими звенигородскими учителями и предложил мне поехать с ним. Наше свидание с С.П. и К.К. было обоюдно радостным и в то же время печальным, как будто мы чувствовали, что больше не увидимся.

Рано покинули нас Светлана Петровна и Константин Константинович – добрейшие, простые, искренние, мудрые, гостеприимные люди, внесшие большой вклад в дело изучения и охраны рукокрылых, в подготовку кадров. Они всегда трогательно заботились о своих учителях, навещали и помогали им чем могли. Их имена навсегда останутся в зоологической литературе, в памяти их учеников, коллег, всех людей, когда-либо имевших счастье встретиться с ними.

И.К. Рахматулина

Константин Константинович и Светлана Петровна для меня неразрывны. Хотя у них обреталась масса юннатов и студентов, в том числе и приезжих, брать к себе кого-то для выполнения курсовой или дипломной работы они не хотели. И это понятно: относиться к молодым как к исполнителям каких-то своих задач они не умели, все делали сами. Но принимали у себя всех и со всеми заинтересованными летучемышинной тематикой (среди которых оказалась и я) делились методиками наблюдений, выслеживания и отлова зверьков в природе, содержания их в неволе, показывали, как правильно снимать с животных промеры.

В то время, когда я у них появилась, "хироптеровка" сохраняла кое-какую акустическую аппаратуру (по сегодняшним меркам, примитивную: громогласный ультразвуковой магнитофон размером с комод и большой стационарный микрофон). Но как-то справлялись, и не одна диссертация была защищена на этой технике. Мне тоже довелось на ней поработать. Комната для записи была, естественно, устроена и снабжена "инфраструктурой" Кстин Кстинычем (так мы все его звали).

Очень интересно и познавательно было работать в наблюдательном домике "на курьих ножках". Кстин Кстиныч и его возвел своими руками, как и все остальное в хироптеровке. На сваях стоял домик, в нем скамейка, на противоположной стене дуплянки с прозрачными дверцами. Обогрев дуплянок был устроен так, чтобы существовал градиент температур и летучие мыши сами выбирали, где им комфортнее. Зверей была уйма и, подозреваю, лишь толика того, что было раньше. Кого мы толь-

ко не держали! Рыжики, гигантские вечерницы, водянушки, остроушки, ушаны, трубоносы... Последние нашли какую-то прореху в вольере и хором сбежали – остались, видимо, только недотепы. Потом они общались по разные стороны сетки. Те, что на воле, были роскошные, а наши не очень. Любопытно, что трубоносы настолько отличались друг от друга по окраске, что их даже не надо было метить. Но зверьков других видов мы метили по особой схеме, придуманной Кстин Кстинычем: на крыловой перепонке делали маленькие дырочки (с помощью сточенного металлического стержня для шариковых ручек), по расположению и комбинации которых можно было определить номер животного. Кроме того, у рыжих вечерниц – а их было больше всего в работе – выстригали шерсть на тех или иных участках головы и спины: на общем темном фоне шерсти светлые выстрижки позволяли узнавать зверьков, не беря в руки, и наблюдать индивидуальные отношения в убежищах.

Кстин Кстиныч выслушивал свежие сводки с фронта наблюдений, все наши "умные мысли" и завиральные идеи и обсуждал каждую мелочь. Наверное, главным его достоинством как учителя и было умение слушать.

Светлана Петровна тоже была нам как мать. Господи, как она нас всех переносила! Она все время берегла клеенку на столе, на которой мы собирались в очередной раз нарезать хлеб или еще что-нибудь. Т.к. она страдала гипотонией и заваривала себе кофе на сутки, мы этим бесстыдно пользовались: отработав ночь, мы выпивали полкофейника, но она никогда ничего не говорила.

В общем, и те времена, и необыкновенная замечательная семья вспоминаются сейчас как благо, которое подарила судьба.

После смерти жены в 2006 г. Константин Константинович слег, но успел надиктовать внучке Саше книжку "Посиделки у Кстиныча". Умер 13 ноября 2009 г.

Е.И. Кожурина